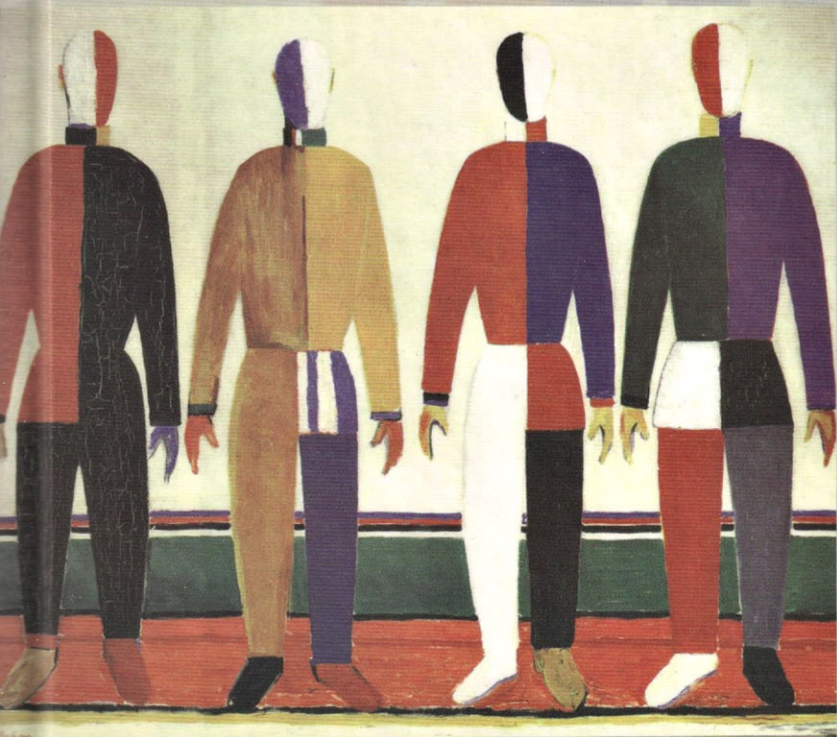

Г. И. Кустова

ТИПЫ
ПРОИЗВОДНЫХ
ЗНАЧЕНИЙ
И МЕХАНИЗМЫ
ЯЗЫКОВОГО
РАСШИРЕНИЯ

STUDIA PHILOLOGICA

ББК 81.031

К 94

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 03-04-16066

Кустова Г. И.

К 94 Типы производных значений и механизмы языкового расширения. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 472 с. — (Studia Philologica).

ISSN 1726-135X

ISBN 5-9551-0022-9

В книге описаны типы производных значений слов разных семантических и грамматических классов и механизмы их образования. Первая часть посвящена глагольной лексике, обозначающей физические ситуации и физические воздействия. Рассмотрены типы неметафорических и метафорических значений основных групп глаголов физического действия. Вторая часть посвящена механизмам образования производных значений слов, описывающих внутреннюю сферу человека (ощущения, эмоции, восприятие, знание). Показано, что эти механизмы едины для глагольной и неглагольной лексики.

Книга рассчитана на языковедов, а также преподавателей и студентов филологических специальностей.

ББК 81.031

*В оформлении переплета использована картина К. Малевича
«Спортсмены (Супрематизм в контуре спортсменов)» (1928—1932 гг.)*

Галина Ивановна Кустова
ТИПЫ ПРОИЗВОДНЫХ ЗНАЧЕНИЙ И
МЕХАНИЗМЫ ЯЗЫКОВОГО РАСШИРЕНИЯ

Издатель А. Кошелев
Художественное оформление обложки
Ю. Сасвича и С. Жигалкина
Корректор Ю. Гизатулина

Подписано в печать 20.07.2004. Формат 60x90¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 29,5. Тираж 1000. Заказ № 1780.

Издательство «Языки славянской культуры». ЛР № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс (095) 246-20-20 (для аб. М153). E-mail: lrc@comtv.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Чебоксарская типография № 1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavica@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

ISBN 5-9551-0022-9

© Кустова Г. И., 2004

© Языки славянской культуры, 2004

Оглавление

Предисловие	9
Введение	
Проблемы лингвистического описания полисемии	
1. Полисемия и синонимия	14
2. Полисемия в словарях и лингвистических описаниях (Существует ли полисемия?)	15
3. Язык — это механизм	19
4. Когнитивные основания полисемии	22
5. Основной фонд	23
6. О единстве механизмов семантического сдвига	25
7. Когнитивные и «упаковочные» механизмы: акцентирование и смещение	28
8. Семантический потенциал и семантическая парадигма многозначного слова	29
Часть I. Глаголы физического действия: модели значений и механизмы деривации	
Глава 1. Концептуальный аппарат описания глагольных значений	35
1. Внеязыковая реальность	35
2. Когнитивная модель ситуации	36
3. Прототипическая ситуация как источник смыслов и условие единства многозначного слова	39
4. Категориальные свойства актантов и типы пространств	41
5. Модели значений каузативных глаголов	42
5.1. Каузация	43
5.2. «Внутренняя форма»	44
5.3. Глаголы способа и глаголы результата	46
6. Стратегии семантической деривации	52
7. Заключение	58

Глава 2. Типы производных значений и механизмы семантической деривации глаголов действия НСВ (семантический потенциал способа)	60
1. Способы представления значений	60
2. Роли участников как «упаковочная» категория	63
3. Схемы толкования глаголов способа	66
4. Семантическая парадигма глаголов способа	70
4.1. Аргументная стратегия — актантная (внутренняя) метонимия	70
4.2. Компонентная стратегия — денотативная аналогия	72
4.3. Импликативная стратегия экспериенциальное следствие	74
4.4. Основная и расширенная парадигма глаголов НСВ	77
Глава 3. Импликативный потенциал изменения	79
1. «Элементы» смысла	79
2. Семантические типы изменений и семантические классы глаголов	80
3. Смысл изменения	91
Глава 4. Семантический потенциал и семантическая парадигма глаголов действия СВ	94
1. Факторы, определяющие значение глагола СВ	94
2. Семантические варианты и импликативный потенциал схемы «Ликвидация контакта Объекта с Местом / удаление Объекта»	99
2.1. Удаление Вещества с Поверхности	100
2.2. Перемещение / удаление Объекта из фиксированного исходного положения / из контейнера	111
2.3. Импликативный потенциал глаголов деформации	115
3. Активизация импликаций как механизм семантической деривации	118
Глава 5. Семантические модели производных значений глаголов перемещения объекта	122
1. Глаголы контролируемого перемещения <i>ставить</i> и <i>класть</i> : механизмы образования неметафорических значений	122
2. Импликативный потенциал глаголов бесконтактного перемещения (группа БРОСИТЬ)	155
3. Номинативный акцент как источник полисемии (<i>тянуть</i>)	171

4. Импликативный потенциал ситуации «держать» в производных значениях глаголов группы ДЕРЖАТЬ.....	189
5. Проблема инварианта и «память» значения	197
Часть II. Механизмы семантического расширения в экспериенциальной сфере	
Введение.....	211
Глава 6. Семантические модели глаголов результата, глаголов интерпретации и глаголов отношения	214
1. Коммуникативная структура значения глаголов с событийным каузатором (глаголы косвенного результата и отрицание)	214
2. Предикаты интерпретации: ошибка и нарушение.....	232
3. Полисемия информационных глаголов и семантика пропозитивной конструкции	241
4. Семантическая парадигма глаголов отношения (<i>хранить</i>).....	250
Глава 7. Производные экспериенциальные значения глаголов действия.....	267
1. Экспериенциальные значения глаголов физического воздействия: ощущение	267
2. Восприятие.....	274
3. Ментальные состояния и пропозициональные установки.....	276
Глава 8. Стратегии семантической деривации в экспериенциальной сфере: семантические рефлексы тяжести	279
1. Параметрические и экспериенциальные прилагательные	280
2. Свойство «тяжелый» и прототипическая ситуация «тяжело»	283
3. Импликации прототипической ситуации воздействия тяжести	286
4. Система значений прилагательного <i>тяжелый</i>	293
5. Структура многозначности прилагательного <i>тяжелый</i> и стратегии семантической деривации в экспериенциальной сфере	304
Глава 9. Типы производных значений слов с экспериенциальной семантикой.....	308

I. Производные значения эмоциональных слов.....	309
1. Морфологическая парадигма эмоциональных слов	310
2. Схема эмоциональной ситуации и типы производных значений эмоциональных слов	312
3. Семантические классы эмоциональных слов: обзор контекстов и значений	313
4. Различия в семантической парадигме как отражение различий в организации исходного значения	317
II. Семантическая парадигма экспериенциальных каузативов и способы выражения связи с причиной.....	320
1. Экспериенциальная каузация и экспериенциальная реакция.....	320
2. Слова группы <i>страшно / смешно</i> на фоне глагольных дериватов	322
3. Отражение семантической двухвалентности в языковом поведении слов группы <i>страшно / смешно</i>	328
Глава 10. Пространство — восприятие — Наблюдатель	337
1. Перцептивные события: участники, наблюдатели, локусы	337
2. Вид, видимость, сущность (о семантическом потенциале слов со значением зрительного восприятия).....	346
3. Тип концептуализации пространства и семантические свойства глагола (класс ПОПАСТЬ)....	372
4. Модификации когнитивной схемы в значениях предлога (семантическая сеть предлога <i>на</i>)	381
Итоги	396
Литература	428
Предметный указатель.....	452
Лексический указатель	462

Часть I

Глаголы
физического
действия:
модели значений
и механизмы
деривации

Концептуальный аппарат описания глагольных значений

Система значений слова, то есть возможности и результат его семантического развития, зависит от ряда факторов.

Для глаголов физического действия основными факторами будем считать следующие:

- внеязыковая реальность;
- прототипическая ситуация / семантическая (когнитивная) модель ситуации;
- категориальные свойства актантов и типы пространств;
- тип (семантическая модель) исходного значения;
- стратегии семантической деривации.

1. Внеязыковая реальность

Значение — это «единица хранения» информации о мире. Однако это не вся информация о соответствующем фрагменте реальности, которой располагает человек. Для правильной интерпретации языковых выражений человек должен использовать большое количество дополнительной информации [Fillmore 1977: 132—133], которую никому не придет в голову отражать в словаре (особенно если этот словарь предназначен для человека, а не для машины, ср. [Виноград 1976; 1983: 136]).

Например, ситуация «(человек) сел на лошадь» интерпретируется как ‘сел на спину лошади’, хотя, по-видимому, ни в каком «обычном» словаре *сесть на лошадь* не толкуется как ‘сесть на спину лошади’. Между тем, если муха села на лошадь, то она может находиться где угодно — на голове, на ноге, на хвосте. Чтобы интерпретировать выражение *сесть на лошадь*, человек должен знать, как ездят на лошадях, и словарь исходит из того, что человек это знает. Если человек сел на поезд — он в вагоне, если птицы сели на поезд — они на крыше. Если кто-то покрасил дом синей краской, значит, синие стены, а не крыша; если кто-то съел на завтрак яйцо — он съел «внутреннюю часть», а не скорлупу; если почистил ботинки — почистил «верх», а не подошву, и т. д. (Е. В. Рахилина [1991б; 2000:

104—115] предлагает включать в описание предметных имен информацию о типе использования их человеком, то есть отражать в лингвистическом описании те аспекты, «со стороны которых» используется данный предмет, ср. также [Вендлер 1981; Вольф 1978; 1979]).

Список таких «поправок» практически бесконечен, и ни один словарь, разумеется, не в состоянии его отразить.

Каков статус этой информации, входит ли она в значение языковых единиц — не ясно (возможно, какая-то часть входит, а какая-то, скорее всего бóльшая, — не входит). Включается ли она в лингвистическое описание значений — зависит от научной парадигмы, от того подхода к значению, который принят в данном типе лингвистического описания.

В одних типах описаний (например, в Московской семантической школе, ср. [Апресян 1974: 12—13; 160]) так называемая энциклопедическая информация выводится за рамки значения в узком смысле. В других типах (например, в когнитивной лингвистике) «энциклопедическая информация» имеет равные права с другими типами лингвистически релевантной информации (ср. [Рахилина 1998а]).

Мы не будем обсуждать и тем более решать вопрос о лингвистическом статусе этой информации. Для нас важно, что человек этой информацией располагает и что он к ней все время обращается в своей языковой деятельности. Мы тоже будем обращаться к такой информации, так как без этого, как нам представляется, невозможно удовлетворительно описать работу механизмов образования производных значений.

2. Когнитивная модель ситуации

Рассмотрим глагольное значение, поскольку оно является ключевым для языка и бóльшая часть работы посвящена полисемии глаголов.

Источником глагольного значения является ситуация (обращение к ситуации естественно и неизбежно при решении самых разных лингвистических, в частности лексикографических, и логико-семантических задач, ср. [Апресян 1974: 99—100; Гак 1972а; 1973; Кошелёв 1989; 1999; Мартемьянов 1964; Петров, Переверзев 1988], ср. также [Селиверстова 1990: 97], где в рамках контрастивного описания используется понятие «протоденотативной ситуации»).

Однако в глаголе содержится НЕ ВСЯ информация об обозначаемой им ситуации. Это следует хотя бы из того, что ОДНА И ТА ЖЕ ситуация может быть обозначена РАЗНЫМИ глаголами. Например, члены синонимических рядов по-разному представляют одно и то же действие, выделяют и акцентируют разные аспекты и элементы содержания ситуации.

Рассмотрим синонимический ряд *достать* / *вынуть* / *вытащить* (*кошелек из кармана*).

Достать — подчеркивает, акцентирует расстояние до объекта (Ю. Д. Апресян определяет этот признак ситуации как 'X не находится непосредственно в пределах досягаемости субъекта' [Апресян 1974: 160]), ср. *достать книгу с полки*, но не **достать со стола* (если речь не идет о маленьком ребенке), *со стола — взять*; *достать рукой до потолка* (это разные значения, но эксплуатируется одна и та же идея). Преодоление этого расстояния требует от человека некоторого усилия, откуда возникает идея трудной достижимости результата, ср. *достал дефицит*; *я тебя все равно достану* (угроза); *достать из-под земли*.

Вынуть — акцентирует то, что объект находился в закрытом пространстве (ср. [Апресян 1974: 160]); *достать из шкафа — с полки*; *вынуть из шкафа — *с полки*. *Достать* тоже допускает закрытое пространство, но не требует его.

Вытащить — помимо той же идеи перемещения из закрытого пространства в более открытое, что и в *вынуть* (благодаря приставке *вы-*), подчеркивает контакт с поверхностью по пути движения объекта (из-за значения корня *тащить* — волоком и — обычно, но не всегда — тяжелое).

Когда вы достаете кошелек из кармана, вы его все равно «тащите», то есть задеваете о поверхность, однако *достать* — это такой способ представления ситуации, который данный ее аспект не учитывает, не отражает, то есть в глаголе *достать* этого признака нет, а в ситуации он есть. И, что для нас принципиально важно, человеку он известен. Если бы человек не знал, что в ситуации «достать кошелек» есть аспекты (элементы, особенности), соответствующие идее «тащить», то он не мог бы эту ситуацию обозначить глаголом *вытащить*. Тогда *достать* и *вытащить* не были бы синонимами. И тогда в языке вообще не могло бы существовать синонимии.

Следовательно, сам факт существования синонимии показывает, что человек ЗНАЕТ о ситуации БОЛЬШЕ, чем «сообщается» в глаголе. Но не менее важное значение имеет это обстоятельство и для полисемии.

Глагол в определенном значении, «выбирая» из ситуации только часть информации, дает определенный способ концептуализации, осмысления этой ситуации, — другими словами, глагол является семантической моделью ситуации, и, как всякая модель, что-то подчеркивает, высвечивает, если угодно, выпячивает, а что-то затемняет, отодвигает на задний план или даже искажает.

Как именно концептуализована, представлена в глаголе ситуация — чрезвычайно важно для полисемии: это во многом определяет состав и характер производных значений. Но не менее важна и другая сторона медали — оставшаяся информация, которая не вошла в «основное», исходное значение (или в ассертивную часть значения). Ведь глагол, будучи знаком ситуации, осуществляет связь человека с этой ситуацией. И хотя сам глагол содержит только часть информации о ситуации, он ОБЕСПЕЧИВАЕТ ДОСТУП к гораздо более богатой и содержательной информационной структуре — так сказать, банку данных. И он же (глагол) является средством «реализации» оставшейся информации, ее «извлечения» и использования в производных значениях.

Эту более содержательную семантическую структуру мы будем называть **КОГНИТИВНАЯ МОДЕЛЬ СИТУАЦИИ**:

когнитивная — потому что это то, что человек знает о данной ситуации и может использовать в других значениях слова, и потому, что эта информация является результатом познания внешнего мира, элементом опыта;

модель — потому что это все-таки не сама ситуация, а ее образ, смысловой коррелят (причем такие образы, по-видимому, будут разными для разных языков).

Каков статус когнитивной модели ситуации? Это конструкт (как и любое другое понятие лингвистического описания). Он вводится для целей описания полисемии, так как позволяет объяснить, откуда берутся производные значения слова и как эти значения связаны (ср. понятие когнитивной схемы, а также когнитивного и семантического следствия в [Баранов 1998]). Однако он может использоваться и при описании синонимии, антонимии, сочетаемости, лексической деривации (словообразования) и т. п. (применительно к существительным это будет «когнитивная модель объекта»).

Словосочетание «когнитивная модель ситуации» слишком громоздко, и мы будем пользоваться сокращенным названием «ситуация». Например, если говорится «признак извлекается из ситуации», «в ситуации есть аспекты» — то имеется в виду не сама ситуация как внеязыковая реальность, а ее информационный образ.

Наибольший интерес для изучения полисемии представляет прототипическая ситуация, с которой связано исходное значение слова.

3. Прототипическая ситуация как источник смыслов и условие единства многозначного слова

Прототипическая ситуация является естественным, хотя и не единственным, источником (поставщиком) материала для производных значений. Именно этот материал обрабатывает механизм производства значений. И именно на уровне ситуации значения оказываются связанными между собой.

Поясним сказанное на примере полисемии глагола *сорвать*. Значения *сорвать цветок* ('отделить от корня') и *сорвать урок* ('помешать, нарушить ход процесса') на уровне словарных толкований не имеют общих компонентов, более того, если производное значение попытаться «вывести» из исходного, то само его возникновение оказывается необъяснимым. Если же мы обратимся к прототипической ситуации «сорвать цветок», то семантический сдвиг оказывается объяснимым, а значения — связанными. В прототипической ситуации есть много дополнительной информации, которая непосредственно не используется и не фиксируется в исходном значении. Мы будем называть эту информацию **импликации** — следствия, следствия данного типа изменения мира. Это условное название, тем не менее во многих случаях эту информацию действительно можно представить в форме «Если ... то». Существенно также, что в процессах производства значений чрезвычайно широко задействованы именно механизмы вывода и «активизации» все более отдаленных, неочевидных и все менее «материальных» последствий (результатов) различных изменений мира.

Одна группа следствий связана с объектом. Когда человек срывает цветок или плод, он не просто отделяет его от корня или ветки, — он необратимо НАРУШАЕТ органическую связь объекта с местом прикрепления, прекращает процесс его естественного роста, что влечет за собой УЩЕРБ объекту («если сорвал, то нарушил (связь) / прекратил (процесс) / причинил ущерб...»). Именно на этой импликации ущерба основана большая группа значений *сорвать* (*сорвать кожу на пальце / резьбу / голос / урок / переговоры*), которые совершенно невыводимы из исходного значения 'потянув и отделив от корня, начать иметь (в руке)'.

Другим важным источником импликаций является сам человек. Хотя его внимание направлено на объект, с самим человеком тоже что-то происходит, и это фиксируется его сознанием (хотя такого рода импликации тем более не попадают в толкование исходного значения). В ситуации СОРВАТЬ это ощущение «неплавного», резкого и в каком-то смысле дискомфортного для самого человека движения — РЫВКА. Идея рывка и связанных с ним усилий, направленных на преодоление «сопротивления» объекта, дает многочисленные рефлексы в производных значениях *сорвать* и других приставочных дериватов *рвать*, ср. *сорвать шапку со стены*; *сорвать на водку*; *оторвать детей от матери*; *оторвать взгляд от картины*; *вырвать признание (у кого)* и т. п.

Естественно, что идею нарушения (равно как и идею рывка, сопротивления и т. п.) мы не обнаружим в словарном толковании значения *сорвать цветок* — ее нет в самом значении, поэтому для толкования ЭТОГО значения она не нужна, и никакой, даже самый полный словарь не будет, да и не должен, ее отражать. Но мы должны объяснить, откуда она взялась в ДРУГИХ значениях, откуда ее извлекают носители языка.

Наиболее вероятный ответ — из ситуации: это часть ЗНАНИЯ человека о ситуации. В модель ситуации это знание попадает благодаря человеку: человек «замечает», фиксирует не только те аспекты ситуации, которые находятся в фокусе и соответствуют цели воздействия на объект, но и множество других вещей, которые затем становятся источниками производных значений.

Модель ситуации не только поставяет семантический материал для производных значений, но и обеспечивает их связь и, тем самым, единство многозначного слова. Производные значения оказываются не связанными с исходным, не имеющими с ним общих признаков потому, что они действительно невыводимы (во всяком случае — не все выводимы) из исходного значения как отдельной, автономной языковой единицы. Значения связаны между собой именно через прототипическую ситуацию, соотносены с одним и тем же источником. Именно поэтому они могут иметь общие компоненты. Но именно поэтому они могут и не иметь общих компонентов.

Кажется, что когнитивная модель ситуации нужна прежде всего для объяснения таких значений, как *сорвать урок*, которые нельзя вывести из компонентов основного значения. А при описании значений типа *очистить ботинки от грязи* — *очистить грязь с ботинок* мы можем просто «переставлять» компоненты значений, не обращаясь к ситуации. Но, конечно, и здесь происходит обращение к

ситуации — хотя бы для того, чтобы констатировать, что это одна и та же ситуация.

Итак, у синонимии и полисемии (при всей их несимметричности) в конечном счете единая языковая основа. У концептуальных структур есть «выделенная» (точнее — выделяемая в знаке) часть (акцент, доминанта) и есть «тенева» часть («остаток»). Человек может этот остаток выделить, подчеркнуть, вывести из тени, — чтобы максимально «осветить» и «охватить» ту же самую ситуацию (синонимия), — а может его использовать для осмысления другой ситуации (полисемия).

4. Категориальные свойства актантов и типы пространств

Категории актантов

Дискретные физические объекты мы будем называть просто **физическими объектами**, или **предметами**. Для дискретных объектов существенно противопоставление «единичный vs. множественный» (*собрать бумаги / грибы — *собрать гриб; перебить всех волков — *перебить волка*).

Предметам противопоставлены другие классы объектов, которые имеют особые свойства и обслуживаются либо особыми значениями глаголов физического действия, либо специальными предикатами:

- **вещества** (которые ведут себя иначе, чем дискретные объекты);
- **люди** (действиям, даже физическим, с людьми, равно как и с другими живыми существами, обычно соответствуют особые значения глаголов);
- **части тела человека**.

Кроме того, все физические объекты противопоставлены **нефизическим** (которые, попадая в сферу действия физических глаголов, превращают их в метафоры)*.

* Категориям имен, их соотношению с прототипом, семантическим и синтаксическим связям с предикатом, влиянию на формирование смысла предложения, а также на типы метафорических переносов посвящена обширная литература, ср., например, [Апресян 1967; Арутюнова 1974; 1976; 1977; 1980; Борщев, Кнорина 1990; Вежбицкая 1996а; Вейнрейх 1970; Вольф 1978; 1979; Гак 1977; Гинзбург, Крейдлин 1982а; 1982б; 1983; Денисов 1980; Кубрякова 1997; Лабов 1983; Лайонз 1977; Лакофф 1988; Падучев

Тип пространства

Изменение типа пространства (наряду с изменением типа объекта) — один из наиболее распространенных семантических сдвигов в значениях глаголов перемещения объекта и вообще глаголов, содержащих смысл ‘движение’, ср.: *выбросить записку в окно / из окна* (‘переместить из более закрытого физического пространства в более открытое’) vs. *выбросить старые ботинки* (‘удалить из личной сферы’ — другой тип пространства); *попасть в квартиру* vs. *попасть в институт*; *В коридоре он встретил Машу* vs. *В этом городе он встретил свою будущую жену*; *Появился на дороге* (в поле зрения, в актуальном пространстве) vs. *Такие приборы появились в XIX веке* (начали существовать в мире)*.

5. Модели значений каузативных глаголов

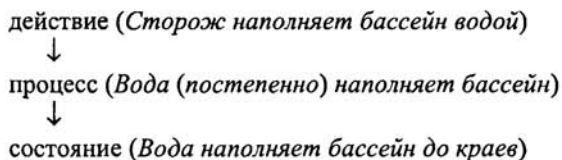
Результат семантического преобразования зависит от типа (модели) значения. Тип (семантический состав и структура) значения предоставляет определенные возможности, которые использует человек для преобразования (но, с другой стороны, и ограничивает, отсекает другие возможности).

Тип значения зависит и от экстралингвистической ситуации, и от способа ее концептуализации, то есть от того, что вообще в данной ситуации есть и что в ней выделено языковым знаком, как она представлена в языке, какие аспекты в ней выделены.

Существуют крупные объединения (классы) глаголов — таксономические категории, — которые соответствуют аспектуальным типам ситуаций: действие, происшествие, достижение, состояние (ср. [Vendler 1967a; Булыгина 1982; Падучева 1996]). У глаголов определенных семантических классов (например, глаголов полного охвата) обнаруживаются корреляции между таксономическими категориями разных значений в парадигме, например:

ва 1985; Рахилина 1991a; 2000; Степанов 1981; 1985; Уфимцева 1986; Фрумкина и др. 1991; Cruse 2000; Dirven, Verspoor 1998; Dolan, Vanderwende, Richardson 2000; Geeraerts 1992a; 1992b; 1993a; 1993b; 1994a; Iordanskaja, Paperno 1997; Lakoff 1987; Mervis, Rosch 1981; Rosch 1973a; 1973b; 1977; Taylor 1989; 1990; Tuggy 1993].

* О типах пространств и способах выражения пространственных отношений см. [Всеволодова, Владимирский 1982; Крейдлин 1994; Яковлева 1994; Cienki 1989; Fauconnier 1985; Herskovits 1986; Janda 1988; Lakoff, Johnson 1980; Talmy 1978; 1983].

(эти корреляции подробно описаны в работе [Падучева, Розина 1993]). Есть случаи, когда одно значение — достижение (намеренное), а другое — происшествие (ненамеренное): *найти ключи — кошелек на дороге, разбудить в семь часов — весь дом, с трудом вспомнить — случайно вспомнить; пропустить строчку* (намеренно — случайно); *разбить бокал на счастье — разбить чашку; он загородил от меня экран — он загородил мне экран*.

Нас будут интересовать более частные семантические подклассы внутри класса агентивных каузативных глаголов, то есть глаголов действия (о признаках действия как таксономической категории см. [Падучева 1992]).

5.1. Каузация

Главный способ языковой фиксации изменений — глагол. Изменение имеет причину (хотя она и не всегда известна), то есть является результатом каузации (ср. [Падучева 2001a: 65]). Поэтому очень большое место в глагольной лексике занимают каузативы (а кроме того, многие неглагольные единицы, как мы попытаемся показать во II части, содержат «скрытую» каузацию и являются обозначениями фрагментов каузативного отношения).

Для нашей темы каузация является одним из ключевых понятий, так как от способа представления каузативного отношения в языковом знаке и от характера самой каузации во многом зависят логика семантического развития и типы производных значений (семантическая парадигма).

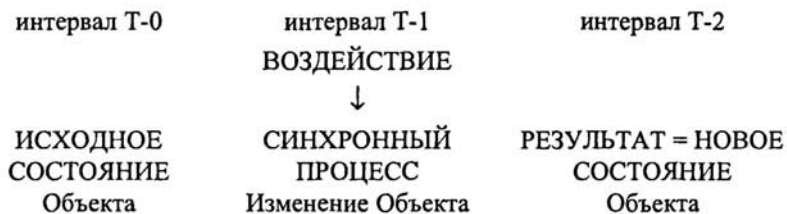
Каузация бывает разного «качества» — точнее, те отношения, которые в языке представлены как каузативные и описываются каузативными глаголами, имеют разную природу. В следующих разделах речь будет идти о «физической» каузации, то есть о физических (энергетических) воздействиях и об изменениях в материальном мире, которые происходят в физическом пространстве (но затем проецируются в другие типы пространств и используются для метафорического моделирования других типов ситуаций). Здесь центральное место с точки зрения деривационного потенциала занимают агентивные каузативы — физические действия человека, направленные

ные на изменение мира (придание наличным объектам и ситуациям нужных человеку свойств). В Главе 6, в связи с глаголами интерпретации, будет рассмотрен другой тип каузации, когда наличие результата зависит не только от наличия ситуации-каузатора, но и от человека — субъекта интерпретации. Наконец, в Главах 8 и 9 будет рассматриваться понятие экспериенциальной каузации — «обратного» воздействия мира на человека — и ее отражение в производных значениях.

В общем виде каузативное отношение включает два логических блока:

КАУЗАТОР (ВОЗДЕЙСТВИЕ) и РЕЗУЛЬТАТ (ИЗМЕНЕНИЕ)

Поскольку, в силу законов физического мира, изменение (а значит, и воздействие) требует какого-то времени, полная схема физического изменения в результате физического воздействия включает три интервала:

Если речь идет о действии человека, то каузатором является деятельность (активность) человека.

5.2. «Внутренняя форма»

Информация о ситуации (о фазах развития, то есть интервалах Т-1 и Т-2, об участниках, о происходящих с ними изменениях) представлена в глаголе неравномерно. Происходит «перекос» в пользу одних участников за счет других и в пользу одних признаков, аспектов ситуации в ущерб другим: одно акцентируется, выделяется — другое «расплывается», одни участники и аспекты ситуации оказываются более важными (главными), а другие — менее важными, второстепенными, «вспомогательными».

Такая иерархизация (неравномерность и неравноправность) обнаруживается и на синтаксическом уровне (выделенные участники занимают главные синтаксические позиции глагола — подлежащего

и прямого дополнения), и на семантическом (о выделенных аспектах и участниках глагол содержит больше информации), и на номинативном (глагол называет данную ситуацию с точки зрения выделенных аспектов и участников).

Неравномерность проявляется и в способах языкового представления каузативного отношения.

Каузативное отношение — это отношение между двумя ситуациями (ср. [Wierzbicka 1980]), однако у него могут быть разные языковые упаковки и способы выражения (ср. [Всеволодова, Яценко 1988; Гак 1977; Корди 1988; Croft 1991; Talmy 1976]). Некоторые каузативные глаголы — просто «связки», которые обозначают «чистую каузацию», собственно каузативное отношение между двумя ситуациями, (ср. [Недялков, Сильницкий 1969]), а сами эти ситуации имеют событийное (или пропозициональное) выражение, ср.: *Засуха вызвала пожары / привела к пожарам; Отсутствие квалифицированных специалистов привело к тому, что Р.* Однако большинство каузативных глаголов, например глаголы физического действия, имеют предметные актаны (*Петя режет хлеб / моет окно / чистит ботинки*), а ситуации — члены каузативного отношения (деятельность человека и изменение объекта) оказываются «запрятанными» в глагол, то есть предстают как единая каузативная ситуация, причем каузатор и результат представлены с разной степенью подробности и выделенности.

Выделенные, акцентированные в глаголе компоненты ситуации образуют СЕМАНТИЧЕСКУЮ ДОМИНАНТУ, являются своего рода ВНУТРЕННЕЙ ФОРМОЙ — способом представления ситуации (а поскольку глагол, будучи знаком, имеет не только семантический, но и номинативный (ономасиологический) аспект — является названием ситуации — то акцент, выделяющий какой-то фрагмент и / или участника ситуации, является не только семантическим, но и НОМИНАТИВНЫМ: он определяет, с какой точки зрения названа ситуация).

Конечно, не для всех каузативных глаголов понятие семантической доминанты в равной степени актуально, но в нашем материале доминанта, то есть акцент на одном из членов каузативного отношения, обнаруживается у достаточно больших и представительных классов каузативов: одни глаголы «акцентируют» информацию о каузаторе, другие — о результате.

5.3. Глаголы способа и глаголы результата

В зависимости от того, какой аспект (элемент каузативного отношения) акцентирован в глаголе (является его семантической и номинативной доминантой, «внутренней формой»), можно выделить два больших класса глаголов — глаголы СПОСОБА и глаголы РЕЗУЛЬТАТА.

Глагол способа является названием ТИПА ВОЗДЕЙСТВИЯ, глагол результата — названием ТИПА ИЗМЕНЕНИЯ.

К глаголам способа мы относим бесприставочные глаголы физического действия *бить, вязать, давить, жать (руку), клеить, колоть, копать, красить, ломать, мазать, мести, молоть, мыть, полоть, рвать, резать, рубить, тереть* и т. п.

Есть по крайней мере два соображения, по которым их можно называть глаголами способа. Во-первых, в них семантически и номинативно акцентирован именно способ (а не цель и результат), то есть эти глаголы, в первую очередь, сообщают о том, что делает субъект, каким образом он воздействует на объект, каким способом он пытается достичь результата (а не о том, в чем именно состоит результат). Во-вторых, именно в качестве обозначения способа бесприставочный глагол используется в словарных толкованиях приставочных глаголов, ср. *подмести* = ‘метя, очистить какую-л. поверхность от сора’; *вымести* = ‘метя, удалить что-л.’.

Схема толкования глаголов способа:

‘Субъект воздействовал на объект способом Р
(делал то, что обозначено корнем)’.

Что при этом происходит с объектом, в явном виде не указывается, а лишь ВЫВОДИТСЯ из характера воздействия, то есть является ИМПЛИКАЦИЕЙ, например: ‘если субъект режет, то объект делится на части’; ‘если субъект моет, объект очищается’, и т. п. (ср.: «В случае *резать* главным является сообщение о способе манипулирования острым инструментом, а побочным — сообщение о возможном результате этого действия» [Апресян 1974: 245]).

Способ действия — понятие «агентивное», связанное с человеком. Поэтому, наряду со способом, мы будем говорить о типе воздействия. Это более широкое понятие — оно может относиться и к инструменту (*нож режет, игла колет*), и к средству (*клей клеит*), и к природной силе (*вода моет камни*).

Внутри глаголов способа есть разные варианты акцентирования участников и их компонентов: одни глаголы акцентируют собственно деятельность Агенса, тип усилия (*тянуть*, см. Гл. 5), другие —

тип воздействия Инструмента (*резать*), третьи — тип воздействия Средства (*красить, мыть*, см. Гл. 2).

ЗАМЕЧАНИЕ 1

Есть такие типы воздействий, которые человек может выполнять при помощи своего тела: *класть, тянуть, топтать, ломать*. А есть такие типы воздействия, которые человек не может осуществлять «один», без «помощников». Например, человек не может резать — у него нет такого органа. Резать может нож или другой предмет с подходящими свойствами; мыть может только вода или другая подобная жидкость; клеить (скреплять) может только клей или другое подобное вещество. То есть глаголы *резать* и *мыть* с самого начала относятся к ножу и воде, являются НАЗВАНИЯМИ соответствующего типа воздействия. А человеку эти предикаты «передаются» потому, что он контролер и источник энергии, он обеспечивает условия, при которых соответствующие предметы и субстанции могут реализовать свои свойства.

В словарях значения типа *нож режет, краска красит* (если они вообще выделяются) представляются как вторичные, производные. В модели «Смысл ↔ Текст», напротив, исходным считается значение 'нож режет', ср. [ТКС 1984: 700], а *резать что-л. ножом* рассматривается как каузатив к «инструментальному» *резать*, ср. [Апресян 1974: 129].

Вообще же приписывание человеку ответственности за изменение мира (физического или информационного) имеет чрезвычайно широкое распространение: человеку приписываются не только те результаты, которые он контролирует, но и такие, которые он не контролирует (*Петя разбил чашку*), и даже такие, о которых он не подозревает (*Петя опозорил семью* — Петя может даже не знать, что кто-то расценивает его поступок как позор или, во всяком случае, не соглашаться с такой оценкой, но синтаксически он представлен как каузатив, как ответственное лицо).

Способ представления ситуации в глаголе не просто одна из многочисленных иллюстраций действия стратегий выделения и акцентирования в языке, не просто пример неоднородности семантической структуры. Семантический и номинативный акцент — один из важных факторов, определяющих семантический потенциал слова. Этот акцент определяет, какие участники и / или компоненты окажутся наиболее «деривационно активными», наиболее доступными для действия семантических операций, какие элементы смысла легко и в первую очередь могут послужить материалом для производных значений, а какие — с трудом или никогда.